

Подшивайлов М.М. Кризис психологического знания и практическая психология

Кризис научной дисциплины наступает всякий раз, когда исследователи утрачивают уверенность в стратегии своего развития в рамках господствующей научной парадигмы, становясь заложниками неразрешимых с их точек зрения конфликтов мнений.

До сих пор психологи находятся в состоянии перманентной войны между парадигмами естествознания, которые близки и понятны «Человеку умному», и парадигмами натурфилософии (гуманитарными парадигмами), которые близки сердцу «Человека персонально разумного». Мы свидетели изнурительных «визвольних змагань» за право победы в номинации «Кто более матери истории ценен» [1]. Печален предварительный итог: психологическая наука к началу 21 века приобрела не знания, а диагноз – бесплодие в описании психологической картины мира.

Парадокс состоит в том, что и «физики» от психологии, и «лирики» от психологии, углубляя конфликт непримиримых интересов, с каждым годом уверяют нас, что между ними крепнет сотрудничество. Например, психологическая общественность живо интересуется развитием квантовой психологии, а сами психологи свои исследования подкрепляют расчетами математической статистики. Как заметила Елена Сидоренко [2], «многие психологические концепции ныне подвергаются сомнению на основании того, что они не были подтверждены статистически». И тем не менее, заключает Е. В. Сидоренко, ««брак» психологии с математикой – это брак по принуждению или недоразумению».

Действительно, более ста лет психология беременна научностью. Научная психологическая общественность в ожидании родов уже разделилась на несколько феодальных по своей сути княжеств, ревностно сражающихся за право подхватить ребенка и воспитать его в традициях то ли психоанализа, то ли бихевиоризма... Короче, распашонки сшиты уже на любой вкус. Золоченые клеточки научных школ в томительном ожидании разрешения: воды отошли уже давно, задержка в малости – радостного крика рождающегося психологического знания при первом вдохе так никто до сих пор из «научных повитух» и не услышал.

Кризис жанра, как говорится, налицо. Хотя сами психологи убеждены, что знают о ребенке очень много и в рамках естественнонаучных парадигм, и в рамках гуманитарных парадигм. Незадача лишь в том, что целостного психологического знания и, что очень важно, живого (не раздираемого конфликтами) психологического знания пока нет. Есть только наукоемкий лавинообразно растущий миф о психологическом знании, подаваемый нам к употреблению в различных технологических обертках. И это естественно. Если война научных парадигм бесплодна в своей бесконечности, то взгляды страждущих рано или поздно обратятся к технологам. Так возникает мода на практическую психологическую деятельность, и мы очень скоро начинаем верить в то, что разорванную конфликтами психику человека, заблудившегося в «трех соснах», можно тренировать как в эдаком «психободибилдинге», прибавляя, на самом деле, работу психиатрам. В этой ситуации исследователей вдохновляет лишь убежденность в том, что «Человек» как естественный результат системного взаимодействия эволюционирующей природы уникален своим стремлением знать, понимать и применять эти взаимодействия с пользой для себя и окружающей среды. Другими словами, человек как системное качество природы, во-первых, является субъектом и объектом самого эволюционирования природы, во-вторых, наделен способностью к саморазвитию в процессе исследования характера взаимодействий и, в-третьих, стремится извлечь максимальную тактическую

(сиюминутную) и стратегическую (надсистемную) полезность от исследования взаимодействий.

Опираясь на приведенные в предыдущем абзаце суждения, мы провели экспертное исследование рейтинговых ценностей научной и практической психологии. Ниже рассмотрим результаты без их расширенного комментария (обсуждение будет проведено в другой статье). Начнем с понимания терминов «наука» и «практика».

Наука – язык непротиворечивого описания и доказательного объяснения циклически или периодически проявляющихся явлений природы и иных процессов, данные о которых получают посредством органов чувств или их продолжением - приборами.

Оценка значимых для науки иерархий ценностей или рейтинговых ценностей представлена ниже:

1. *Доказательность* – служит для укрепления уверенности исследователя в своей правоте;
2. *Непротиворечивость* модельных описаний;
3. *Возможность применения явления в лабораторных условиях* – служит в качестве экспертизы возможного использования приобретенного таким образом опыта управления изучаемым явлением в технологических целях;
4. *Тактическая (сиюминутная) полезность* модельных описаний и объяснений для расширения научных представлений о картине мира;
5. *Собственно построение научной картины мира.*

Как видим, *соответствие изучаемых явлений природы истинности понимания* не входит в первые пять рейтинговых ценностей науки. В связи с этим как не вспомнить платоновского узника, прикованного спиной к выходу из пещеры таким образом, что ему ничего больше не остается, как описывать мир по теням, отбрасываемым реальными объектами на стене, противоположной входу в пещеру [3].

Значит, научное исследование как метод изучения «теневого» реальности прежде всего опирается на *ценности доказательности и непротиворечивости* описаний и объяснений, которые и образуют *научную ценность*.

Практика – прямое побуждение к исполнению периодически возникающих желаний всеми сиюминутно полезными средствами.

Основой практических дисциплин, техник, духовных практик является тактическая (сиюминутная) полезность, которая создает устойчивое ощущение защищающей выгоды.

Оценка рейтинговых ценностей для практики представлена ниже:

1. *Технологичность*;
2. *Вера* – стремление принять окружающий мир или его систематизированные описания безусловно, т.е. посредством опережения ревизии, проверки правильности и т.д.;
3. *Научность*;
4. *Мистичность* – наличие тайных знаний, доступных только посвященным;
5. *Возможность построения картины мира.*

Отсюда, практическое исследование основывается в первую очередь на ценности технологичности наблюдаемого явления как средства тактической полезности, обладающей эффектом защищающей выгоды.

Характерно, что *стратегическая или надсистемная полезность*, как, впрочем, и *соответствие наблюдаемых явлений природы истинности понимания* в первые пять рейтинговых ценностей как науки, так и практики не входит. Построение картины мира является зоной равнозначимого отношения (пятое место в рейтинге и не более). А между тем, как показывают наши исследования, ныне действующие практически ориентированные дисциплины, такие как практическая психология или духовные практики, значительно проигрывают в своих возможностях эффективного развития без опоры на ценности стратегической или надсистемной полезности и ценности понимания истин.

Ниже приведем несколько примеров экспертной оценки ряда дисциплин соответственно рейтингу ценностей (табл.1-3).

Таблица 1
Экспертная оценка практической психологии

№з/п	Рейтинговые ценности	Выраженность ценности, %
1	Технологичность	20
2	Вера	60
3	Научность	0,5
4	Мистичность	19,5
	Возможности описания картины мира от 100%	0,25

Таблица 2

Экспертная оценка ряда психотерапевтических практик, используемых практической психологией (обобщенная оценка)

№з/п	Рейтинговые ценности	Выраженность ценности, %
1	Технологичность	20

2	Вера	60
3	Научность	0,4
4	Мистичность	19,6
	Возможности описания картины мира от 100%	1

Справедливости ради отметим, что научная психология ничем существенно не отличается от практики (табл.3).

Таблица 3
Экспертная оценка научной психологии

№з/п	Рейтинговые ценности	Выраженность ценности, %
1	Технологичность	15
2	Вера	70
3	Научность	0,6
4	Мистичность	14,4
	Возможности описания картины мира от 100%	0,5

На этом фоне, например, **онтопсихология и бытовая(народная) психология** выглядят предпочтительнее. Опора на *ценности понимания истин и стратегическую полезность*, как видим ниже, расширяют возможности описания картины мира. Такой высокий процент научности бытовой (народной) психологии достигается за счет непротиворечивости описаний.

Таблица 4
Экспертная оценка онтопсихологии и бытовой (народной) психологии

Выраженность ценности в онтопсихологии, %	Рейтинговые ценности	Выраженность ценности в бытовой психологии, %
10	Технологичность	20

5	Вера	10
20	Научность	20
30	Мистичность	15
-	Уровень понимания реальной жизни	10
35	Стратегическая полезность	5
15	Возможности описания картины мира от 100%	10

Оказывается, в сказках и пословицах можно почерпнуть гораздо больше научности и понимания реальной жизни, чем в академической психологии.

Прав был Анри Пуанкаре, когда говорил о том, что наука без использования обобщающих идей может оказаться перед информационной мифологизированной лавиной «не в лучшем состоянии, чем была раньше перед неизвестной ей истиной» [4].

Обобщающие идеи в пределах научного метода всегда возникают на основе непротиворечивого расширения системы методологических принципов и аксиом теорий, которые потеряли или теряют эвристическую ценность. Именно методологические принципы и постулаты неявно определяют начальные условия и уровень обобщения, на который способна фундаментальная парадигма теории.

Другими словами, принципы и аксиомы определяют не только начальные условия построения научной модели, но и границы применимости теоретических воззрений. Отсюда методологические основы построения теории кардинально влияют на время эффективного использования эвристического потенциала теорией.

Нетленными примерами успешного использования непротиворечивого расширения систем методологических принципов, могут служить теории Чарльза Дарвина, Людвиг Больцмана, Альберта Эйнштейна, Пьера Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского, Нильса Бора и т.д.

Исследования Чарльза Дарвина еще раз после Аристотеля развеяли существующий в то время научный миф про наперед определенную бесцельность живой природы. Взяв на вооружение принцип направленности биологических изменений, исследователи-биологи кардинально обновили научные взгляды на живую природу и методы ее классификации.

Теоретические исследования Людвиг Больцмана доказали научной общественности существование связи между свойствами вещества как целого и поведением отдельных

частичек материи (атомов), из которых состоит вещество. Больцман смог объяснить глубинные механизмы любых изменений материи. Тем самым были опровергнуты представления про бесцельность и хаотичность поведения атомов микрокосма. Заметим, что до этого свойства вещества как целого были детально изучены с помощью термодинамики Кельвина и Клаузиуса. Фундаментальные выводы термодинамики не претерпели никаких опровержений: усовершенствовалась лишь терминология науки и математический аппарат [5].

Принцип масштабной инвариантности, который обосновал фундаментальную парадигму теории фракталов, дал возможность исследователям убедиться, что большое количество изучаемых объектов макро- и микромира подчиняются одинаковым законам на разных подсистемных и надсистемных масштабных мерностях. Что, очевидно, опровергает существующий до сих пор методологический миф про наперед определенный «высший статус» исследований психической природы человека относительно животного, растительного мира и «неживой» материи.

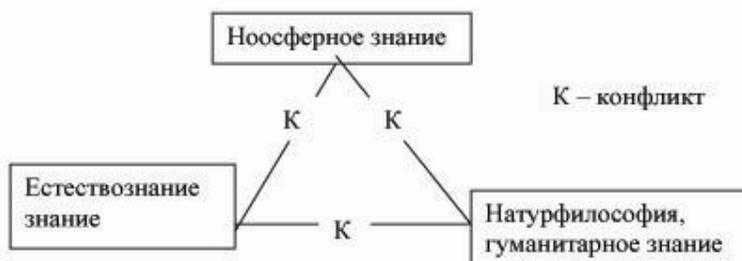
Идеология ссылок в научной среде на мифологизированные законы с целью ограничения любых попыток так называемого «редукционистского» пояснения механизмов функционирования психики, существует очень давно. Теория фракталов начала отсчет нового периода, который вдохновляет многих исследователей к перепрочтению научных мифов и методологических символов, которые утратили свою эвристическую ценность.

В этом месте текста пришло время определить понятие «кризис». В чем суть понимания кризиса?

Кризис – это механизм блокировки и зачистки (очищения) возникших патологических состояний в предназначении любого системного качества, отказавшегося ранее от разрешенного надсистемой характера взаимодействия с окружающей средой. Цель кризиса – возобновить естественный ход жизни. В этом определении базовым понятием есть предназначение связей системного качества с окружающей его средой. Нельзя системному качеству продолжительное время использовать связи с окружением не по их предназначению, подобно тому, как нельзя забивать молотком саморезы в стену (для этого существуют дрели и отвертки). Точно также невозможно механически приставлять слово «психология» к любому понятию или виду деятельности человека. Все эти манипуляции с так называемой бесконечной дифференциацией наук несомненно порождают патологические состояния в психологической науке и практике, что создает устойчивое ощущение безвыходности. Особенно, если исследователь заперт научными парадигмами в одномерном пространстве линейных дихотомий, между которыми существует непреодолимый конфликт.

Чтобы психологу обрести свободу в выборе необходимого инструментария для разрешения конфликта дихотомий, ему, казалось бы, необходимо выйти в двухмерное пространство (увидеть проблему с позиции плоского мира) и тогда между двумя конфликтными точками опоры одномерного пространства можно поставить третью точку опоры. Так в истории психологии поступил А.Н. Леонтьев, опосредовав «стимул» и «реакцию» своей знаменитой «деятельностью» [6]. Таким образом была создана деятельная зона возможности преодоления конфликта, которая стала некой паузой на пути переколебаний маятника от одной дихотомии к другой и обратно. В процессе симуляции деятельности можно было хотя бы изменить свое отношение к тому, что осуждаешь, пока неумолимо движешься к осуждаемой противоположности, чтобы непременно оказаться в ее жарких объятиях.

А.Н. Леонтьеву не удалось увести исследовательскую парадигму в сторону от траектории переколебаний маятника, даже после анализа методологических проблем психологии в рамках двухмерного пространства. Хотя намного раньше В.И. Вернадский, анализируя дихотомию парадигм естествознания и натурфилософии, предложил искать выход в парадигмах ноосферного знания. В.И. Вернадский принял предложенный еще в 1927г. французским математиком Э. Леруа термин «ноосфера» [7]. Это был решительный шаг в сторону от линейного характера дихотомий (потенциально стало возможным создание треугольника парадигм: устойчивого основания для научного описания картины мира).

Но вместо одного дихотомического конфликта, исследователи получили бы три конфликта. Возможно, это и стало сдерживающим фактором широкого признания научной общественностью методологических новаций В.И. Вернадского.

Нужно понимать то время, первую треть 20-го века. «Человек разумный» (мыслящий персональным разумом) в определенном исторически обусловленном временном интервале почивал на лаврах «царя природы», радуясь, что некогда вырос из штанишек «умного дитя природы». Но, закономерно, столкнувшись в наше время с колоссальными информационными перегрузками, «Человек разумный» начал пилить всевозможными технологическими и, как правило, техногенными средствами сук, на котором находится последняя его надежда чему-то научиться – состояние «Человека планетарно мыслящего», владеющего ноосферным знанием. Сознание и самосознание, которым обладает «Человек разумный», оказалось беспомощным перед вызовом информационной лавины.

Все более очевидным становится понимание того, что «Человек разумный» поспешно короновал себя на должность «царя природы» и, тем самым, невзначай запустил патологические состояния развития сценария самоуничтожения в жерновах собственной тройственности конфликта: «ум–персональный разум–планетарный разум».

Справедливости ради отметим, что **треугольник парадигм** необходим психологии для выхода из кризиса, но не содержит в себе достаточных условий для решения проблем. Только психологическое знание, не образующее конфликтных дихотомий с естествознанием, гуманитарным знанием и ноосферным знанием, выходит за пределы двухмерных плоскостных представлений в состояние «Человека объемномыслящего», обладающего пониманием механизмов нелинейно - нелокального взаимодействия макрокосма и микрокосма. Тем самым образуется **тетраэдр парадигм**, в рамках которого возможны решения всех конфликтов треугольника парадигм, лежащего в основании тетраэдра, собственно научными методами. *Только при этих необходимых и достаточных условиях существования тетраэдра парадигм сама психология оживет, практически познав законы дыхания макрокосма в микрокосме человек научными методами.*

Таким образом, краеугольным камнем выхода современной психологии из затяжного кризиса, есть понимание нелинейного и нелокального характера исследовательских

парадигм психологического знания, позволяющих понять законы дыхания макрокосма в микрокосме человека. В этом, собственно, и состоит сама суть предназначения «внекризисной» психологии: и академической, и практической, и бытовой (народной).

Список использованных источников:

1. Розин В.М. Научные интерпретации предмета психологии (от парадигмы естественнонаучной к гуманитарной?) / В.М. Розин // Психологический журнал. – 1991. – № 2. – С. 5-15.
2. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб. ООО «Речь», 2003. – 350 с.
3. Пономарев Л.И. Под знаком кванта / Л.И. Пономарев. – М.: Наука, 1989. – 368 с.
4. Пуанкаре А. О науке / А. Пуанкаре. – М.: Наука, 1990. – 736 с.
5. Эткинс П. Порядок и беспорядок в природе / Эткинс П. – М.: Мир, 1987. – 224 с.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
7. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 2001. – 376 с.